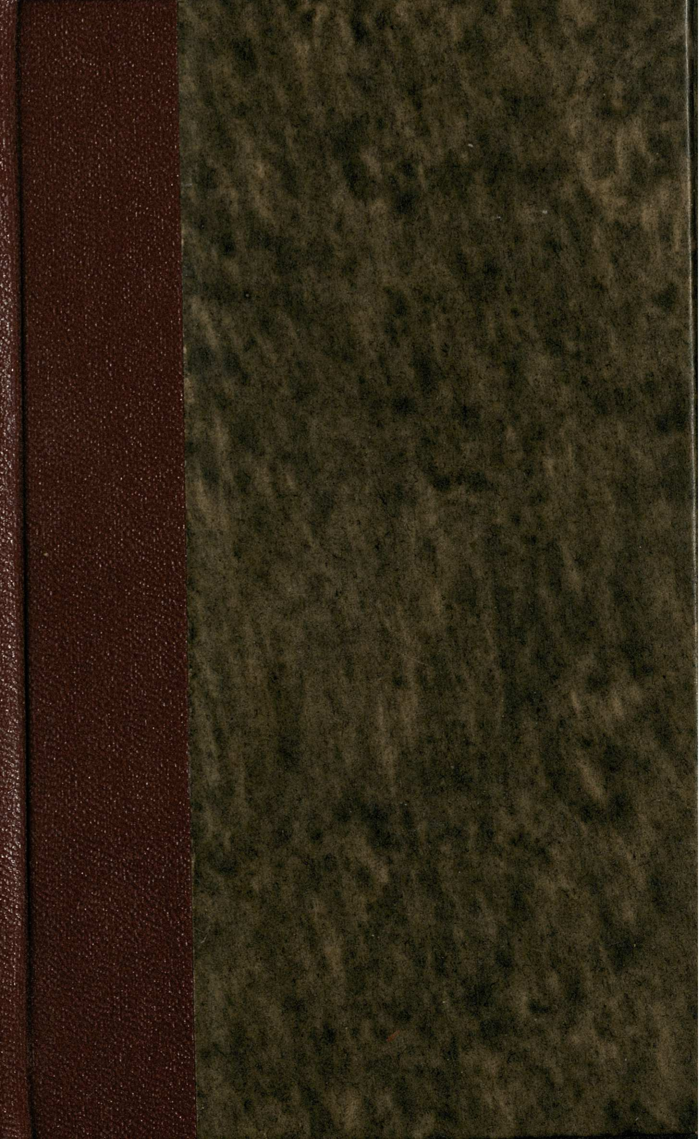

ТОРЖЕСТВО РОЗЫ.

ПРАЗДНИКЪ ВЪ САЛАНСИ.

Переводъ съ Французскаго.

МОСКВА,
Съ указнаго дозволенія.
ВЪ типографіи Хр. Клаудія.

1793 года.

Его

Высокоблагородію,

Господину

Коллежскому Совѣтнику,

Императорскаго Московскаго

Университета Канцеляріи

Члену,

Александру Ивановичу

Перелечину,

Милостивому Государю,

усерднѣйшее приношеніе.

2

Ваше Высокоблагородіе!

Милостивый Государь!

Милости и благодѣянія, въ избыткѣ отъ щедрыя руки Вашея на меня изліянныя, давно воспламеняли въ душѣ моей сильныя желанія принести Вамъ за оныя благодарность. — Непрестанно обращается во умѣ моемъ то непріязненное время, когда я, по пріѣздѣ моемъ въ сей городъ, едва не впалъ въ бездну золъ и напастей, и когда благотворная десница Ваша была

единымъ для меня средствомъ къ спасенію. — Еще мечтается въ мысляхъ моихъ та благопріятная минута, въ которую я удостоился Вашего призрѣнія; когда Вы меня, не имѣющаго къ кому прибѣгнуть, приняли въ домъ свой и явили толико милостей, что, естьлибы даровавшій мнѣ жизнь, но давно уже во прахѣ почивающій, воспалъ изъ мертвыхъ, то и онъ, думаю, не большебы показалъ мнѣ благопріятства и любви.

Все сіе воображая, давно я горѣлъ нетерпѣливостію открыть предъ Вами благодарныя чувствованія, сердце мое объемлющія: но не имѣлъ къ тому способности. Теперь же посвящая вожделѣнному для меня имени Вашему сію книжку, думаю, что я нѣкоторымъ образомъ плачу долгъ, на мнѣ лежащій. Ибо я увѣренъ, что Вы отъ меня другой жертвы не потребуете.

4

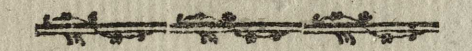
Удостойтежъ, Великодушный благодѣтель! воззрѣть благосклоннымъ окомъ на сей знакъ чистѣйшія благодарности, и позвольте, да приносящій Вамъ оную безопасно почіетъ подъ сѣнію благодѣяній Вашихъ.

Вашего Высокоблагородія,

Милостиваго Государя,

нижайшій слуга,

Михайла Баккаревичъ.

Предувѣдомленіе.

Начало праздника розы есть одно изъ древнихъ установленій. — Его приписываютъ Св. Медарду, Епископу Нойіонскому, который жилъ въ шестомъ вѣкѣ нашей Эры, во время Кловиса. Сей добродѣтельный Епископъ, который былъ въ тоже время господиномъ въ Саланси, деревнѣ въ половинѣ мили отстоящей отъ Нойіона, вздумалъ давать каждой

годѣ дѣвушкѣ, наиболѣе отличившейся хорошимъ поведенїемъ, 25 ливровъ деньгами и вѣнокъ или шляпу розовую. Въ Салансїйскомъ храмѣ видна и нынѣ еще одна картина, на которой сей Св. Епископъ, представленный въ Архїерейскомъ одѣянїи, возлагаетъ розовой вѣнокъ на главу одной дѣвушки, убранной въ волосахъ и стоящей на колѣняхъ. — Награжденїе сїе сдѣлалось для дѣвицъ Салансїйскихъ сильнымъ побужденїемъ къ цѣломудрїю.

По праву установленія должно, чтобЪ получающая розовой вѣнокЪ не только сама была непорочнаго поведенія, но чтобЪ отецЪ ея, мать, братья, сестры и другіе сродники, восходя даже до четвертаго колѣна, были также добродѣтельны. Самое малое пятно, или подозрѣніе вЪ ея фамиліи, былобЪ опредѣленіемЪ исключенія.

ВладѣлецЪ Салансійской имѣетЪ всегда право выбирать достойную получить розовой вѣнокЪ между тре-

6

мя Салансійскими дѣвицами, которыхъ къ нему представляютъ за одинъ мѣсяцъ до праздника. Выбравши одну изъ нихъ, долженъ онъ приказать объявить объ ней въ приходской церкви на тотъ конецъ, чтобъ другія дѣвицы, ея сверстницы, имѣли время разсмотрѣть сей выборъ и противорѣчить, ежели онъ не сходенъ съ истинною. Сіе разсматриваніе должны они производить съ строгимъ безпристрастіемъ.

По одобрѣнïи сего выбора, въ 8 й день Iюня, въ праздникъ Св. Медарда, въ два часа по полудни, удостоившаяся розоваго вѣнка, одѣвшись въ бѣлое платье, причесавшись, и будучи сопровождаема своими сродниками и двенатцатью дѣвушками, также одѣтыми въ бѣлое платье, подпоясанными широкими лентами и ведомыми за руки двенатцатью деревенскими мальчиками, выходитъ изъ дому, при литаврахъ и музыкѣ. Господинъ, или его повѣренный,

самъ ее встрѣчаетъ; она ему дѣлаетъ поклонъ, благодаря за предпочтенїе, которое онъ ей далъ; потомъ Господинъ, или повѣренной его, взявъ ее подъ руки, предшествуемый музыкою и сопутствуемый многочисленнымъ народомъ, ведетъ ее въ приходскую церковь, гдѣ она слушаетъ вечернїя молитвы, стоя на амвонѣ, посреди храма.

По окончанїи вечерни, причетъ идетъ порядочно съ народомъ въ храмъ Св. Медарда. Въ семъ то храм-

мѣ Священникъ, благословляетъ вѣнокъ, или шляпу розовую, лежащую на престолѣ. Сія шляпа обложена голубою лентою(*) и украшена съ переди серебренымъ кольцомъ.

(*) Когда Людовикъ XIII. находился за 150 лѣтъ въ замкѣ Варрень, близъ Салански; то Г. Беллуа, бывшій тогда владѣльцемъ сей деревни, просилъ сего Монарха сдѣлать при семъ случаѣ награду добродѣтели. Людовикъ на то согласился, и послалъ Г. Маркиза Гордѣя, перваго своего Капитана Гвардіи, отправлять торжество розы вмѣсто себя, приказавъ ему при-

8

Послѣ приличнаго къ тому благословенія, Священникъ полагаетъ вѣнокъ на главу удостоившейся онаго дѣвушки, стоящей на колѣняхъ, и вручаетъ ей въ тожъ время 25 ливровъ въ присутствіи Господина и Судьи его Юстиціи. — Удостоенная розоваго вѣнка въ сопровожаніи Господина, или его повѣреннаго, и всѣхъ имъ сопутствующихъ, о-

---

совокупить къ вѣнку кольцо серебреное и голубую ленту. — Съ тѣхъ поръ сіе и понынѣ еще ведется.

пять идетъ въ приходскую Церковь, гдѣ поютъ: *Тебе Бога хвалимъ*, и молебенъ Св. Медарду, при пушечной пальбѣ и пѣнiи деревенскихъ юношей.

При выходѣ изъ Церкви, Владѣлецъ, или повѣренной его, ведетъ получившую вѣнокъ на средину большой улицы Салански, гдѣ прiуготовляютъ столъ со всѣмъ приборомъ.

Оттуда все собранiе идетъ на дворъ Господина подъ толстое дерево, гдѣ

онъ пляшетъ со всякою, удостоившеюся розоваго вѣнка. Сей деревенской пиръ оканчивается при захожденіи солнца. На другой день, около полудня, удостоенная вѣнка созываетъ къ себѣ всѣхъ деревенскихъ дѣвушекъ и дѣлаетъ имъ большой полдничной обѣдъ, сопровождаемый всѣми пристойными увеселеніями, на сей случай приготовленными. —

Вотъ начало и описаніе праздника розы. — Сколько сіе установленіе возбужда-

етъ въ Саланси ревности къ добрымъ нравамъ и цѣломудрїю! — Всѣ жители сея деревни, состоящей изо ста сорока осьми домовъ, суть тихи, честны, трезвы и трудолюбивы. Они не имѣютъ плуга: всякой копаетъ заступомъ свою часть земли, и всѣ тамъ живущїе довольны своимъ состоянїемъ, не смотря на то, что жители сосѣднихъ деревень сколько грубы, столько и порочны. — Вотъ, что можетъ произвесть награда

и почесть, отдаемая достоинству и добродѣтели!

Торжество розы.

Книга первая.

Веселіе въ Саланси. Внезапное свиданіе Василія съ Анзельмомъ. Василій перескавываетъ свою страсть.

Ты, коея благородной гласъ менѣе внятенъ сдѣлался въ позлащенныхъ чертогахъ, нежели подъ кровлями покрытыми соломой! Ты, которая принудила меня часто размышлять съ пріятною

пользою о трудахъ и увеселеніяхъ сельскихъ жителей! Пріиди, о трогающая чувствительность, подруга чистосердечія и спокойствія! пріиди! — придай моему слову сладости и прелести! удостой воспламенить мое сердце симъ чистымъ и священнымъ огнемъ, который оживилъ двухъ щастливыхъ любовниковъ! —

Солнце уже окончало половину своего теченія, какъ Василій, молодой земледѣлецъ сосѣдней деревни, прибылъ на холмъ, близъ Салански находящійся. Сердце его долгое время безпокоилось; онъ едва имѣлъ силу итти. — Вдругъ глаза его наполнились слезами. — Онъ смущается, онъ останавливается, онъ воздыхаетъ, вскрикнувъ:

сколько пріятна и вмѣстѣ печальна для меня была ты, любезная страна, которую я опять вижу! —

Между тѣмъ онъ видитъ всѣхъ обитателей Салапси въ движеніи. Онъ зритъ толпы юношей, разсѣянныхъ повсюду, скачущихъ и бѣгающихъ. Онъ слышитъ легкіе голоса младыхъ дѣвицъ, которыя голову и грудь убравши цвѣтами, пляшутъ вокругъ стараго дуба. — Тамъ дѣлаютъ приготовленія къ полевому пиру. — Вдали видны старики, коихъ удовлетворенная душа изображается на челахъ ихъ, морщинами покрытыхъ. Сидя на камняхъ около своихъ домовъ, окруженные многочисленнымъ семействомъ, принимаютъ

12

они съ веселіемъ свою пищу, и держа въ рукахъ кубокъ, усугубляютъ радость гостей. — Вино съ изобиліемъ текущее, играніе любовниковъ, которые украшаютъ цвѣтами сѣдалища своихъ любовницъ, естественная пріятность, сіяющая со всѣхъ сторонъ; — все возвѣщаетъ день, невиннымъ забавамъ посвященный.

Поелику Василій бывалъ уже въ Салянси, то высокое воображеніе, какое онъ имѣлъ о цѣломудріи жителей, тотчасъ принудило его смотрѣть изумленнымъ окомъ на сладкое изступленіе сердецъ ихъ. — Какъ! — неужели забава должна быть удѣломъ праздности болѣе, нежели вознагражденіемъ трудовъ и добродѣтели?

Изъ удивленія Василій перешелъ вдругъ въ нѣжное волнованіе. Онъ не могъ смотрѣть на сіи мѣста, не воспоминая о той, которой прежде отдалъ онъ свое сердце. Онъ утопалъ въ мрачной задумчивости, когда приближеніе къ нему почтеннаго старца принудило его оставить свое волненіе. Старецъ подъемлетъ чистое чело; бѣлые власы его, почернѣвшіе отъ лучей солнечныхъ, приходили въ первое состояніе снѣжной бѣлизны; онъ восходилъ тихо на холмъ, и шествовалъ еще стопами твердыми.

Василій къ нему подбѣжалъ; онъ его обнявъ, долго держалъ въ своихъ рукахъ. — „ Дражайшій

13

„ Анзельмъ! говорилъ онъ, сколь-
„ ко я щастливъ, когда съ то-
„ бою увидѣлся! „ —

„ Какъ! — это ты Василій,
„ отвѣчаетъ старикъ, обнимая
„ его? Возможноли, что я тебя
„ не видалъ цѣлые два года,— те-
„ бя, который столько разъ за-
„ клиналъ себя проводить дни
„ свои со мною? „ —

„ Увы! — я сего сдѣлать не
„ могъ, вскричалъ Василій!— Небо
„ того не захотѣло. — Удостой
„ меня вниманія. Я думаю, что не
„ стыдно признаться въ своихъ
„ слабостяхъ: но чувствую при
„ томъ, что забава, открыть тебѣ
„ мое сердце, усладитъ мои
„ горести. —

Они сѣли на зеленой травѣ, и Васи-
лій продолжалъ такимъ образомъ:

„ Невинность и спокойство, которыя между вашими жителями обитаютЪ, вдохнули вЪ меня сильное желаніе побывать у васЪ вЪ деревнѢ. Помнишь ли ты тотЪ день, вЪ которой отецЪ ЭмѢинЪ угощалЪ у себя благороднѢйшихЪ гостей изЪ всея деревни?— Тогда сдѢлалЪ онЪ намЪ пирЪ, гдѢ я увидѢлЪ ЭмѢю вЪ первой разЪ. Она еще была по четырнатцатому году; но казалась прекраснѢйшею изЪ дѢвушекЪ Салансійскихъ. „

„ Оставя труды, которыми была занята, пришла она, при концѢ обѢда, показать себя очамЪ гостей. — Любезный АнзельмЪ! Я еще какЪ теперь ее вижу вЪ бѢлой одеждѢ, главу

14

украшенную маргаритами и жесминами. — Окруженная младыми дѣвицами, своими подругами, она подобна была лиліѣ, сіяющей посреди простыхъ фіялокъ. Она держала въ рукахъ своихъ корзинку, наполненную плодами.— Эмѣя имѣетъ, не знаю, какую-то врожденную прелесть, любить ее заставляющую.— Я увидѣлъ идущую ее подлѣ меня, и полагающую со стыдомъ корзинку съ плодами на столъ. Глаза ея робко потупленные, открывались съ пріятнымъ безсиліемъ.— Какая пріятность!— Сколько сердце мое было тронуто! — Сколько прелестны Эмѣины взоры! — Она ихъ обращала какъ будто съ опасностію, но съ учтивостію толико истинною и толико при-

нуждающею меня любить ее, что я почувствовалъ тотчасъ столькоже страха, сколько и любви.„

„Говорятъ, что на сердцѣ носятъ изображеніе того предмета, которой любить предопредѣлено судьбою; я этому вѣрю: я то самъ испыталъ — Такъ, — безъ сомнѣнія она была извѣстна моему сердцу.„

„Мать ея смущалась, когда я былъ въ замѣшательствѣ. — Она приказала своей дочери сдѣлать мнѣ выговоръ: — уста Эмѣи, сладкимъ дыханіемъ оживляемыя, отворились для разговора со мною.„

„Хотябы я и могъ противиться прелестямъ ея взоровъ, но одинъ звукъ голоса могъ бы ме-

15

ня воспламенитпь. — Какъ трепетало мое сердце!— Какъ чувствительно оно было тронуто!— Сладость его отзывалась въ моихъ ушахъ! „

„ Я осмѣлился подойти къ ней поближе, чтобы лучше ее выслушать. — Чистѣйшая сладость! — Неизъяснимое удовольствіе!— Сладкое ея дыханіе дошло до меня: оно прохлаждало воспламененную грудь мою. — Я чувствовалъ, что нѣкоторый живительный сокъ разливался по моимъ жиламъ. „

„ Между тѣмъ я вспомнилъ законъ Салансійскій,— сей законъ, который запрещаетъ дѣвицамъ, тамо рожденнымъ, выходить замужъ за чужестранцевъ. Сей жестокій законъ препятствовалъ

моей склонности къ Эмѣи. Я изъ того предвидѣлъ плачевныя слѣдствія. — Какая разительная опаснотъ! — Мнѣ не оставалось болѣе другаго средства возвратить мою свободу, какъ бѣжать ея присутствія. Я удалился на долгое время изъ той страны, которая мнѣ была толь любезна. Я еще болѣе сдѣлалъ; я оставилъ моихъ родителей, которые жили весьма близко къ тому мѣсту, гдѣ я не имѣлъ щастія родиться.„

„Не знаю, можетъ ли отсутствіе мое исцѣлить мою страсть? — Ахъ! — я чувствую болѣе, нежели самую жестокость.„

„ На конецъ я узналъ, что могу возвратиться къ моимъ сродникамъ. — По прошествіи двухъ мѣсяцовъ, я уже радовался, что воспротивлюсь прелестямъ Салансійской соседки. Но смерть дяди моего отца сдѣлала въ его дѣтяхъ несогласіе. — Они дѣлили богатство и захотѣли о томъ донести такому человѣку, котораго безпристрастіе и невинность весьма извѣстны въ нашемъ уѣздѣ. — Это былъ отецъ Эмѣинъ, котораго выбрали въ судьи. — Вотъ, что принудило меня опять вступить въ мѣста толико для меня страшныя! — Добродѣтельный Анзельмъ! — Я знаю, что всякой годъ старики ваши избирали между младыми Салансіянками ту, ко-

торую цѣломудріе ея дѣлаетъ достойною получить розовой вѣнокъ; знаю также и то, что для полученія сего, должны онѣ оставить любовь къ чужестранцамъ. И такъ могъ либъ я итти предложить Эмѣи то, чтобъ она сдѣлала для меня толь великую жертву?,,

,, Такъ говорилъ Василій — и воздыханія отягощали его. — Старикъ сострадая, умягчился надъ нещастіями сего юнаго чужестранца. Онъ смѣшалъ слезы свои съ его слезами; послѣ того началъ говорить Василію столь убѣдительно, что укрѣпилъ его сердце противъ силы любви.

,, Анзельмъ присоединилъ, что сей праздникъ, при случаѣ

котораго невинныя красоты спорят о венке, благоразумием определенном, — сей праздник Розы будет отправляем на третий день, и Анзельм должен там присутствовать, а прекрасная Эмея будет из числа трех выбранных туда красавиц.

При сих словах старик встал. — Он оставил Василия потому, что надобно было ему итти в ближнюю деревню; а Василий предпринял путь в Салански.

КНИГА ВТОРАЯ.

Приходъ Василія въ Салански. Плясаніе Эмѣи съ Алексѣемъ. Обѣдъ, гдѣ поютъ Эмѣя и Василій. Бракъ заключенный Алексѣя съ Эмѣею.

Отецъ Эмѣинъ, напередъ узнавши о присутствіи Васильевомъ, дожидался его у входа въ деревню, и принялъ со всѣми знаками нѣжнаго дружества. Они прежде разговаривали о родителяхъ Васильевыхъ; послѣ того Рожеръ, (такъ назывался отецъ Эмѣинъ) позвалъ младаго чужестранца съ собою смотрѣть на забавы жителей Салансійскихъ.

18

Эмѣя тогда плясала съ юнымъ Алексѣемъ. — Рожеръ увѣдомилъ Василія, что Алексѣй, сынъ знатнѣйшаго земледѣльца, требовалъ у него дочери себѣ въ супружество. — Василій при сихъ словахъ не могъ удержаться отъ тайнаго движенія ревности. Онъ видитъ съ досадою, что Алексѣй изъясняетъ врожденную свою любовь тѣлодвиженіями своими и взглядами. Онъ видитъ еще съ большею горестію, какъ Алексѣй беретъ Эмѣю въ свои объятія. — Добродѣтельные Салансіяне! — строгая благопристойность царствуетъ болѣе въ вашихъ сердцахъ, нежели въ вашихъ дѣйствіяхъ. — Ахъ! — не унижаетъ ли сіе сладкое обхожденіе непорочности вашихъ нравовъ?

Алексѣй поднялъ младую Эмѣю съ большимъ восхищеніемъ нежели искуствомъ. — Она упадаетъ неосторожно. — Лента, которою перевязаны были ея волосы, развязывается. — Они опускаются ниже ея пояса. — Сіяющая зардѣлость появляется на лицѣ ея. — Робкое смятеніе ея души больше придаетъ ей прелестей. —

Василій! — какую радость чувствуетъ твое сердце, когда оба единодушно просятъ тебя плясать съ ними вмѣстѣ. — Ея волосы повидимому потемняли и перемѣняли лучи дня, подобно какъ цвѣтъ горлицы.

Огонь воспламеняетъ грудь Василія, — и уже возводитъ онъ жадные взоры на Эмѣю. Онъ ихъ

утверждаетъ на изумляющей ея осанкѣ. Онъ примѣчаетъ съ пріятностію всѣ движенія бѣлыхъ ея рукъ, нѣжныхъ ногъ и тонкаго ея тѣла, которымъ она дѣйствуетъ; даже небрежно разбросанные ея волосы, производятъ въ немъ немалое движеніе. — Все его безгласнымъ дѣлаетъ, все удивляетъ, все восхищаетъ. —

Одна женщина сосѣдней деревни Салансійской пришла къ сему празднику. — Народъ, будучи одолженъ ея благодѣяніями, разнесъ далеко слухъ о ея добродѣтеляхъ. — По окончаніи пляски, прибѣжала она обнять Эмѣю, поздравляя Рожера съ тѣмъ, что онъ имѣетъ такую дочь. Всѣ знаки склонности, которые сія почтенная женщина оказываетъ

Салансіянкѣ, увѣряютъ Василія въ Эмѣиной добродѣтели. — Увы! сказалъ онъ, возможно ли не любить Эмѣю? — Самая ея добродѣтель дѣлаетъ ей почтеніе. —

Алексѣй и Василій проводили Эмѣю къ ея отцу. — Алексѣй, держа въ рукахъ стаканъ, прославлялъ ея скромность, пріятность и проворство. — Василій хотѣлъ продолжать ей похвалы.— Взоры Эмѣины отъ него убѣгали, — онъ не имѣлъ силы того окончать. — Непреодолимая ревность отнимала у очей его воображеніе радости, которую онъ чувствовалъ. Ему казалось, что одно слово, малѣйшее тѣлодвиженіе, одинъ взоръ, откроетъ тайну его сердца. — Сколько нѣмая сія рѣчь трогаетъ! — Она

есть знакъ любви. — Эмѣя понимала все, что происходило въ душѣ Василія, — и Василій воображалъ, что онъ видитъ тоже самое въ сердцѣ Эмѣиномъ.

Рожерова жена была тщеславна. — Похвалы, которыя заслуживала въ плясаніи ея дочь, были ей чувствительны. Она хотѣла, чтобъ еще послушали ея пѣнія. — Эмѣя повинулась. — Она воспѣла противность Салансіянки, не хотѣвшей выпти за чужестранца юнаго и богатаго, которому предпочла она Салансіянина бѣднаго и добродѣтельнаго.

Сперва слова, которыя пѣла Эмѣя, производили печаль и болзливость въ душѣ Василія. Но скоро прелесть гласа толико нѣжнаго, возвратила ему удо-

вольствіе. Потомъ, когда Эмѣино сердце, тронутое собственными выраженіями, попустилось оказаться противъ ея воли, глаза ея блистали пріятнымъ и проницательнымъ пламенемъ. — Печаль Васильева мало помалу уменьшалась. — Тогда-то разрѣшилось сіе щастливое смѣшеніе чувствительности и невинности. — Цѣломудренная Эмѣя! ты сама не можешь повѣрить, сколько нѣжно поешь. Голосъ твой подобенъ сладкой свирѣли, звукъ коея мало помалу входитъ въ сердце, нѣжно его умягчаетъ и погружаетъ въ найпріятнѣйшее изступленіе и крайнее удовольствіе.

Послѣ ея заставили пѣть Василія. — Онъ упросилъ ее соединить свой голосъ съ его голосомъ, и заневолю противъ сильнаго трепета, который прежде препятствовалъ отдыхать, они пѣли слѣдующее.

Эмѣя подъ именемъ Клои, а Василій подъ именемъ Дафниса:

Дафнисъ.

Ты въ сердце поселила
Мнѣ тысячу забавъ, —
О Клоя! — чтожъ за сила
Видна въ твоихъ очахъ?

Клоя.

Сама не понимаю,
Дражайшій мой пастухъ!
Какъ по тебѣ страдаю!
Какъ мучится мой духъ!

Дафнисъ.

Не всѣ ли такъ страдаютъ,
Какъ я теперь, влюбленъ;
Коль скоро начинаютъ
Сносить любовный плѣнъ?

Клоя.

Любовь моя столь сильно
Меня къ тебѣ влечетъ,
Что я, любя невинно,
Весь забываю свѣтъ.

Оба вмѣстѣ.

Ахъ! Клоя! }
Ахъ! Дафнисъ! } продолжай
Начату пѣснь тобою;
Доволенъ }
Довольна } я собою,
Сыскавъ желанный край.—

По окончаніи сей пѣсни, чрезмѣрно тронутый Василій, былъ

безъ силы и безъ движенія. — Голосъ у него прерывался. — Тѣло его дрожало. — Онъ готовъ былъ обнять ея колѣна. — Такимъ образомъ, когда среди молчаливыхъ рощей, любовь провождала внутрь густой алѣи красавицу, которая во пѣвала свою побѣду, птицы восхищенныя молчали и слушали ея пѣніе. — Первенствующій пѣвецъ воздушный сходитъ съ вѣтви на вѣтвь, и одинъ хочетъ соединить свои силы съ силами своея соперницы. — Долгое время онъ покушается спорить о цѣнѣ пѣнія. — Тщетныя усилія! — Скоро крылья его опускаются, воздымается перье, горло не издаетъ болѣе звука; — онъ обмираетъ и упадаетъ къ ногамъ сея волшебницы, кото-

рая наполетъ его удовольствіемъ.

Чистѣйшая нѣжность сіяла на взорахъ Василія. — Она дышала на устахъ его: — невинная Эмѣя его прельстила. Ея сердце также воздыхало. — О Василій! — скоро пройдетъ то время, въ которое обманчивая любовь заставляетъ тебя вѣрить, что ты любимъ; хотя ты и думаешь уже, что наслаждаешься симъ щастіемъ.

Какъ пиръ окончался, то отецъ Алексѣевъ, отведши Рожера къ сторонѣ, просилъ его, чтобы онъ заключилъ бракъ Алексѣя съ Эмѣею. — Рожеръ не обѣщавая за чужестранца выдать свою дочь, говорилъ ему,

что сіе сдѣлано будетъ вскорѣ послѣ праздника Розы; а притомъ просилъ и Василія остаться у себя, дабы имѣлъ онъ участіе въ ихъ веселіи.

Василій ничего не отвѣчаетъ — и Рожеровы друзья расходятся.

КНИГА ТРЕТІЯ.

Труды и печаль Васильевы.
Садъ Эмѣинъ.

Василій, погружаясь въ мрачныхъ размышленіяхъ, тщетно призывалъ сонъ. — Онъ хотѣлъ уйти при первыхъ лучахъ утренней зари; но видя, что дѣло его съ Рожеромъ еще не окончано, вознамѣрился остаться. Онъ былъ увѣренъ, что упражняясь въ трудахъ деревенскихъ, можетъ сносить съ меньшимъ трудомъ безпокойство любви.

Ночь весьма для него тогда продолжительною казалась. Онъ вышелъ, чтобъ не видѣть Эмѣи и . . . . . Онъ прогуливался во-

кругЪ полей новаго своего хозяина. — Ежели стада, ушедшія сЪ опредѣленной паствы, находили себѣ входЪ на засѣянныя нивы, то онЪ запиралЪ тамЪ проходы, и дѣлалЪ высокой плетень.

ВасилІй не понималЪ, для чего РожерЪ не старался вЪ сіи первые часы утра, толико драгоцѣнные, о воздѣлываніи полей.— ОнЪ поздо вышелЪ на нивы свои, и ВасилІй раздѣлилЪ тяжесть его трудовЪ. — О Салансіяне! — рѣдко у васЪ острой плугЪ разрѣзываетЪ внутренность земли; вы воздѣлываете заступомЪ то поле, которое было у вашихЪ предковЪ. — Слава ваша не вЪ томЪ, чтобЪ распространять ваши владѣнія, но чтобЪ умно-

жать плоды, посредствомъ вашего трудолюбія.

Жаръ полдневный принудилъ Рожера и Василія искать защиты подъ буковыми деревами. — Провождая нѣсколько времени въ отдохновеніи, отецъ Эмѣинъ открылъ сердце свое молодому Василію. — Дочь моя не будетъ выдана замужъ, сказалъ онъ ему. Она никакъ не преступитъ моей воли. — Естьли ты видишь, что я поздо принимаюсь за труды, то это для того, что я ходилъ на разсвѣтѣ къ отцу Алексѣеву — и я лучше нарушу данное мною слово, нежели причиню нещастіе тому, кто мнѣ любезнѣе всего.

Василій слушалъ сіи слова съ смущеніемъ. — Надежда нечувствительно возраждалась въ его сердцѣ, и препятствіе Салансійскаго закона начинало устрашать его менѣе.

Какъ скоро они подъ вечеръ возвратились, то младая Эмѣя, домашними трудами занимавшаяся, принесла имъ кушанье, состоящее изъ плодовъ, и руками ея приготовленное. — Василій опять ее увидѣлъ — и любовь его усилилась.

Сколько разъ, взирая на нее въ молчаніи, приходилъ онъ въ забвеніе себя! Сколько разъ готовъ онъ былъ говорить то, о чемъ намѣревался молчать! — И такъ всѣ его старанія о излѣче-

нии себя дѣлали рану его глубочайшею.

На другой день онъ ушелъ отъ Рожера. — Онъ имѣлъ лице блѣдное и печальное; тусклый мракъ виденъ былъ въ очахъ его.— Онъ искалъ уединенной рощи и пустыхъ холмовъ. — Онъ скитался тамъ, куда только печаль его влекла. — Имъ дѣйствовали стремительнѣйшія движенія. — Онъ згаралъ пожирающимъ его пламенемъ.

Какъ скоро всѣ силы его истощились, то задумчивое безсиліе овладѣло его духомъ. — Тогда, легши на зеленую траву, близъ сего самаго источника, гдѣ онъ думалъ увидѣть смягчающуюся

въ своемъ намѣреніи Эмѣю, онъ склоняетъ слухъ свой къ пѣнію птицъ, порхающихъ между листьями — воспоминаетъ прелестныя пѣнія той, которую обожаетъ — замѣчаетъ то мѣсто, гдѣ она была — говоритъ ей — видитъ ее опускающую глаза въ зардѣлости и поднимающую ихъ на него съ робкимъ видомъ. — Тогда угнѣтенное его сердце поднимается — онъ закрываетъ глаза, и старается избѣгнуть воспоминанія любезнаго предмета. — Онъ видитъ веселые луга, покрытые стадами, которыя пасутся спокойно, и спятъ протянувшись у кустовъ.

Въ молчаніи сравниваетъ онъ свои мученія, свои побужденія,

свои жестокія сраженія съ невинными пріятностями спокойной жизни — и слезы, изъ глубины сердца его происходящія, текутъ ручьями изъ его очей. — Желая разогнать свои мученія, онъ принуждаетъ самъ себя, и поетъ сію пѣсню, частыми вздохами прерываемую:

Щастливыя овѣчки!
Вы, около сей рѣчки,
Пасетесь на брегахъ;
Стенаній вашихъ томныхъ
И жалобъ безпокойныхъ
Не слышно въ сихъ лугахъ —
Вы знаете любить,
Но также знаете спокойно въ свѣтѣ (жить.
Я вашему покою
Завидую стократъ.
Но что! — увы! — тоскою

Сугубою обЪятЪ.
И день и ночь стенаю,
Стенанья повторяю,
Не знаю, что ищу;
О той, которая всего милѢй, грущу.

Наступающїй день былЪ тотЪ, вЪ которой должно было торжествовать праздникЪ Розы. —

РожерЪ имѢлЪ вЪ самомЪ отдаленномЪ мѢстѢ своего сада цвѢтникЪ, благоуханнѢйшими цвѢтами насажденный. — Не смотря на густоту деревьевЪ, которыя скрывали его отЪ взоровЪ, раздавался вдали прїятной бальзамической запахЪ. — Туда войти препятствовала рѢшетка, нарочно для того сдѢланная. Розаны, ясмины и прочїе цвѢты обвивались вокругЪ сихЪ гибкихЪ и густыхЪ вѢтвей. —

Сіе мѣсто называлось садъ Эмѣинъ — объ немъ никто кромѣ ея не старался. Выключая младыхъ ея подругъ, никто въ него не могъ входить. — Василій объ немъ узналъ; онъ покусился пересмотрѣть его по крайней мѣрѣ своими глазами. — Онъ трепеталъ прежде, нежели туда приближился: однакъ принужденное нѣкое движеніе его къ тому влекло. — Онъ приближается, проходитъ сквозь деревья, и чувствуетъ себя быть подъ пріятною тѣнію, которая его прохлаждаетъ. — Онъ восхищенъ сталъ тихимъ въ мѣстахъ сихъ вѣяніемъ зефировъ. — Пѣніе соловья, вдали раздающееся, нѣжныя игры птицъ, любовной стукъ ихъ

носовъ, трепетаніе крыльевъ, а паче всего, чистой и животворной воздухъ, тамо дышущій, и все наконецъ то, что его окружаетъ, производитъ въ душѣ его, не знаю, какое-то чувствованіе страха и удовольствія. — Запахъ цвѣтовъ приводилъ въ изумленіе его разумъ: подобно какъ виноградная кисть, которую квасятъ собиратели винограда, смущаетъ нѣсколько ихъ разсудокъ, и производитъ изступленіе въ ихъ чувствахъ.

Василій неменѣе смутился.— Долгое время стоитъ онъ неподвиженъ, устремивши глаза свои къ сему мѣсту; тогда воспламененное его сердце погружается въ сладость — трепещетъ отъ удовольствія и любви.

Вдругъ слышитъ онъ, что Змѣя жалуется своей матери о поврежденіи, которое птицы причиняютъ ея саду. „ Но они „ не вылѣтятъ изъ тѣхъ сѣтей, „ которыя для нихъ поставлены, „вскричала она, и побѣжала прочь.„

Она поспѣшала туда столь проворно, что можно было почесть ее, летящую на голубиныхъ крыльяхъ. Лице ея было такъ живо, какъ распустившаяся Роза.—На Васильевомъ лицѣ появилась краска.—Онъ остановился, потупивъ глаза, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ.— Змѣя прошла подлѣ его, не примѣтивъ его присутствія. Легкая лента закрывала чело ея. Въ чертахъ лица ея примѣтно было прелестное смѣшеніе пріят-

ности и нетерпѣливости, красоты и заботы. Она держала вѣ одной рукѣ ульмовую клѣтку, а вѣ другой ключѣ отѣ своего саду, и столь была озабочена своими дѣлами, что позабыла вѣ первой еще разѣ запереть ворота. — Потомѣ бѣжитѣ во внутренность сада: какое разореніе, кричитѣ она! пришедши на то мѣсто, гдѣ поставила свои силки.

Сѣ одной стороны находитѣ она сѣрую синицу, сѣ другой чижа сѣ пестрыми перьями; оба сидя на тонкой палочкѣ, намазанной клѣемѣ, ударяютѣ вѣ нее своими крыльями, и усиливаются оными оторваться, хотя и тщетно. — Далѣе сидитѣ утомленный воробей.— Носѣ его возвышенѣ и не много открытѣ;

онъ сжимаетъ, біясь, ту петлю, которая его держитъ, и трепеща крыльями, упадаетъ на сторону.

Эмѣя при видѣ семъ останавливается — сердце ея полно злобы. — Она хочетъ итти противъ сожалѣнія; но сожалѣніе беретъ надъ нею верьхъ. Свирѣпой взоръ ея умягчается; она выпускаетъ клѣтку, бѣжитъ освободить воробья, перерѣзываетъ узелъ, который его держитъ, кладетъ нѣжную свою руку на его перья, стоящія дыбомъ, цѣлуетъ съ сожалѣніемъ; прижимаетъ его къ своей груди, и пускаетъ изъ своихъ рукъ на волю.

Василій приближился къ воротамъ сада. — Опершись о де-

рево, глаза устремивши на Эмѣю, зрѣлъ онъ, что врожденная ея нетерпѣливость ясно изображена была на ея взорахъ.— Онъ не видѣлъ въ нихъ ничего кромѣ красоты.— Но какъ скоро усмотрѣлъ, съ какою нѣжностію, и сколь чувствительно ласкаетъ и освобождаетъ она птицъ; то съ какимъ восхищеніемъ представилъ онъ себѣ красоту и чувствительность столь чистой души? — Любовь его усугубляется. — Радость въ высочайшемъ степени.— Онъ извѣдываетъ сіи щастливыя трепетанія сердца, которое смягчается съ удовольствіемъ и удивленіемъ — падаетъ въ сладкое изумленіе, которое его похищаетъ — пріятной источникъ слезъ течетъ изъ его очей —

вздохъ, изъ глубины сердца испущенный, увѣдомляетъ объ немъ Эмѣю. — Она устремляетъ взоръ въ ту сторону, гдѣ шумъ сдѣлался внятнымъ и усматриваетъ Василія неподвижнаго, съ заплаканными глазами, въ видѣ такого человѣка, который находится въ величайшей тоскѣ.

Она идетъ къ нему поспѣшными шагами. — Что съ тобою сдѣлалось, Василій, сказала она ему, съ видомъ сострадательнымъ? — Что сдѣлалось съ тобою, въ сихъ мѣстахъ?

Василій сперва поблѣднѣлъ, услыша сіе; потомъ скоро покрывается лице его краскою; онъ хочетъ отвѣтствовать; но смятеніе его сердца, и вздохи имъ

испускаемые, его останавливаютъ.

Что съ тобою случилось? — Что ты дѣлаешь здѣсь?— повторяетъ ему еще Эмѣля.

Вдругъ Василій, упадая на колѣна, отвѣчаетъ утомленнымъ голосомъ, съ нѣжнымъ и проницательнымъ видомъ: Эмѣля!— я тебѣ удивляюсь.

Эмѣля, скрывая волнованіе своея души, бросила на него свирѣпой взоръ, и оставила его, не удостоивъ отвѣтомъ.

Тогда, подобно человѣку пробуждающемуся вдругъ при краю пропасти, Василій почувствовалъ свое неблагоразуміе, но не имѣлъ силы въ томъ раскаяться.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Обряды праздника Розы. Неизвѣстность старцевъ.

Между тѣмъ Василій, не сомнѣваясь о томъ, что Змѣя была имъ раздражена, не смѣлъ болѣе являться. — То трепеща и глаза потупя, приходилъ онъ къ воротамъ; то прикладывалъ ухо, и убѣгалъ при малѣйшемъ стукѣ; то въ мертвомъ движеніи обходилъ домъ и бросалъ во всѣ стороны безпокойные взоры.

Въ то время, какъ сердце его погружалось въ неизвѣстности, звукъ колоколовъ, стукъ литавровъ и радостные клики жите-

лей возвѣщаютъ тотъ часъ, когда начинается торжество Розы. —

Въ срединѣ деревни находится площадь, гдѣ народъ толпами собирается. Изъ различныхъ ближнихъ деревень сошлось безчисленное множество мужей и женъ. —

Старецъ Анзельмъ, предшествуя всѣмъ начальникамъ, проходитъ посреди окружности, составленной изъ зрителей. — Врата храма отверзаются — оттуда выходитъ служитель престола — онъ шествуетъ украшенъ всѣмъ тѣмъ одѣяніемъ, въ которое облекается въ самые большіе праздники — садится на свое мѣсто подъ лиственнымъ покровомъ: въ рукахъ держитъ

онѣ розовой вѣнокѣ, и полагаетѣ его на престолѣ, изѣ дерну устроенномѣ.

Послѣ сего являются двенатцать дѣвицѣ, розовой вѣнокѣ получить желающихѣ. — Одежда на нихѣ изѣ самаго чистаго льну, бѣлизною лебединой пухѣ превосходящаго. — Головы ихѣ неповязаны, и власы возвѣваемые по волѣ вѣтровѣ, лежатѣ вѣ буклахѣ на раменахѣ ихѣ. — Всякая мать ведетѣ дочь свою за руку. — Онѣ идутѣ тихими шагами. — Плѣнительные и тонкіе голоса ихѣ прославляютѣ, вѣ семѣ шествіи, прелести спокойной и добродѣтельной жизни вѣ сихѣ выраженіяхѣ:

Гдѣ добродѣтель обитаетъ,
И царствуетъ невинность гдѣ:
Тамъ неразлучно пребываетъ
И миръ и тишина вездѣ.

Блаженство тамъ вовѣкъ про-
(длится,
Веселье, радость и покой:
Печаль оттуда удалится,
Оттуда страхъ бѣжитъ съ тоской.

Тамъ многочисленны овѣчки,
Земля даетъ сторичный плодъ,
Пріятны протекаютъ рѣчки,
И услаждаютъ шумомъ водъ.

Поля и паствы многоплодны,
Цвѣты пестрѣютъ на лугахъ,
Источники кристалловодны
Журчатъ въ прелестныхъ берегахъ.

Любовь и дружество священно
Тамъ царствуютъ во всѣхъ серд-
цахъ:

Раздоръ, коварство возмущенно,
Въ сихъ не являются мѣстахъ.

О вѣкъ златой! О дни блаженны!
Теките вы у насъ во вѣкъ!—
Теките, времена священны! —
Да щастливъ будетъ человѣкъ!

Ни честь, ни слава, ни богатство,
Не нужно намъ здѣсь ничего:
Коль добродѣтели изрядство
Краснѣе кажется всего.

Восхищенный народъ повто-
ряетъ послѣднія выраженія и
хвалу удостоившейся розоваго
вѣнка. — Эхо отзывается во
всѣхъ мѣстахъ Салансійскихъ.

Прелестное зрѣлище красо-
ты сихъ младыхъ дѣвицъ, во-
ображеніе цѣломудрія, сладость

34

ихъ пѣнія, благопристойность въ поведеніи, наконецъ видъ невинности и чистосердечія, на челахъ ихъ блистающій, усугубляютъ удовольствіе всѣхъ зрителей.

Величественный видъ старцевъ, въ судіи опредѣленныхъ, впечатлѣваетъ почтеніе и привлекаетъ вниманіе зрителей. — Всѣхъ взоры обращены на сихъ и тѣхъ. — Всѣ находятся въ ожиданіи и молчаніи: кажется, что всѣ сердца дѣлятъ пріятную заботу матерей.

Старецъ Анзельмъ, сидѣвшій на возвышенномъ, наподобіе амвона, мѣстѣ, встаетъ и распоряжаетъ около себя двенатцать выбранныхъ дѣвицъ.

Первая, которую онъ вопрошаетъ, извѣстна по строжайшей добродѣтели и по любви къ трудамъ: но одинъ разъ симъ тщесливилась, почему и уступила мѣсто своимъ сестрамъ.

Вторая отлична по боязливому и искреннему сердцу: однакъ нѣсколько разъ любовь ея къ своимъ подругамъ, дѣлала ее притворною въ ихъ проступкахъ.

За сею слѣдовала третія — смотря на нее, всѣ были довольны. — Какъ старцы ее вопрошали, то всѣ хвалили каждой ея отвѣтъ. — Скоро многіе поднялись голоса съ тѣмъ, чтобъ отдать ей вѣнокъ.

35

Нѣтъ, сказала она, я довольно себя знаю: есть одна между нами гораздо достойнѣе розоваго вѣнка. — Ни одна изъ подругъ моихъ не станетъ мнѣ противорѣчить. — Будучи весьма щастлива тѣмъ, что вы находите во мнѣ нѣкоторыя слабыя выгоды, я оными одолжена ей.

Такъ изъяснялась юная сія дѣвица — и любопытство зрителей усугубилось. — Анзельмъ вопросилъ ее, кто такова была та, о которой она говорила — Это, отвѣчаетъ она, Эмѣя. —

Тотчасъ другая перехватила рѣчь и сдѣлала сіе признаніе: нѣсколько разъ труды становились мнѣ скучны — я взирала на Эмѣю — и дѣлалась бодрѣе. —

Мы говоримъ о той, которая исполняетъ ревностно свои должности — мы говоримъ объ Эмѣѣ — она одна изъ тѣхъ, которыя заслуживаютъ розовой вѣнокъ.

Въ одинъ день, сказала третія, я была объята сномъ. Эмѣя не прежде меня разбудила, какъ окончавши мою работу. — Когда мы печальны, Эмѣя съ нами раздѣляетъ печаль — Эмѣя насъ утѣшаетъ. — Ее-то должно украсить розовымъ вѣнкомъ.

Вотъ, что происходило между юными избранницами, которыя крайне выхваляли услуги Эмѣины — Анзельмъ ее призываетъ — жадные зрители устремляютъ на нее свои взоры. — Сколько похвалъ раздается во

всѣхъ мѣстахъ! — Не знаютъ, чему должно удивляться, скромностиль ея больше, или ея красотѣ? — Скорое желаніе видѣть увѣнчанную Эмѣю, прекратило радостныя восклицанія.

Анзельмъ спросилъ отца и матъ Эмѣиныхъ — при всякомъ отвѣтѣ, которой они дѣлали, всѣ радовались. — Казалось, что каждый зритель привязанъ сдѣлался къ дѣвицѣ столь добродѣтельной, или по сродству, или по любви къ ней.

Однакожъ радость сія тотчасъ прекратилась. — Какъ скоро Анзельмъ вопросилъ прекрасную Эмѣю, то она вдругъ начала превозносить похвалами добродѣтели подругъ своихъ. — Потомъ при-

нуждена была отвѣтствовать за себя самую. — Глаза ея были потуплены — скромная зардѣлость появилась на лицѣ ея — ея смущеніе и смятеніе тотчасъ оказалось — она прерывистымъ голосомъ сказала: ахъ! чье сердце довольно заслуживаетъ принять розу? — Мое — особливо мое — она останавливается и воздыхаетъ. — Потомъ увеличивая самыя легчайшія свои погрѣшности, признается съ чистосердечіемъ, что она не достойна вѣнка, который принадлежитъ одной только невинности.

Столько отваги находилось въ словахъ Эмѣиныхъ! — Она вдыхала толь слѣпую довѣрен-

ность, и толь много имѣла щастливаго дара убѣждать, что не могли тогда не вѣрить тому, что говорила она противу себя. —

Нѣкоторая женщина внезапно прервала ея слова. — Она была старѣе другихъ Салансiянокъ. — Стоявши напереди площади, укрѣпила она свои силы, чтобъ подойти къ Эмѣи поближе. — Чело ея, къ землѣ наклоненное, возвысилось — лице покрыто было морщинами — она поглядѣла на нее съ нѣжностiю и сказала:

Дорогая моя Эмѣя! ты хочешь себя унизить предъ нашими глазами? — Моя должность есть объявить ту услугу, которую ты мнѣ сдѣлала. — Естьли

хотя одна изъ юныхъ подругъ твоихъ такая, котораябъ захотѣла сдѣлать тоже самое? — Помнишь ли ты тотъ день, когда вы бѣжали всѣ вмѣстѣ на гулянье, которое производилось въ ближней деревнѣ? — Ты будучи тогда въ великой радости, увидѣла меня усталую, безсильную и немогущую возвратиться въ деревню.— Ты оставила тогда все, подала мнѣ свою руку и съ удовольствіемъ проводила со мною часы, назначенные забавамъ, возрасту твоему приличнымъ. — Подъ вечеръ, когда ты меня оставила, казалось, что видя тебя и слыша твой голосъ, сыскала я то удовольствіе, котораго была лишена.

Такъ говорила почтенная Салансіянка. — На слова ея всѣ были согласны, и больше не сомнѣвались, кому надобно отдать розовой вѣнокъ.

Уже судія сидѣлъ близъ служителя олтаря, и разсматривалъ Салансійскія бытописанія.— Онъ доходитъ до пятагонадесять колѣна сродниковъ Эмѣиныхъ, и по обыкновенію признаетъ предъ всѣмъ народомъ непорочность ихъ нравовъ, какъ вдругъ одинъ молодой человѣкъ, во множествѣ народа стѣсненный, усиливается пройти въ средину и кричитъ: не спѣшите отдавать вѣнка— я прошу меня выслушать.

Говоря сіе молодой человѣкъ приближился:— всѣ узнали, что это Алексѣй, сынъ почтеннаго

земледѣльца въ Саланси, и любовникъ Эмѣинъ.

Присутствующіе здѣсь старцы, и самъ его отецъ, взирали на него съ удивленіемъ, и крайне были не довольны. — Между зрителями возсталъ ропотъ и негодованіе. — По прекращеніи шума, украшенный сѣдинами Анзельмъ принялъ на себя суровой видъ и приказалъ ему говорить.

КНИГА ПЯТАЯ.

Дѣйствіе ревности Алексѣевой. Увѣнчаніе Эмѣи. Приключеніе, бывшее съ Василіемъ. Эмѣя хочетъ отдать вѣнокъ. Посланный отъ Людовика XIII. приноситъ удостоившейся розоваго вѣнка кольцо и голубую ленту.

Алексѣй едва могъ удержаться отъ слезъ. — Вдругъ уступая, изъ отчаянія, злобѣ, его возбуждавшей, онъ оказалъ ее въ слѣдующихъ словахъ:

„ Я долженствовалъ соединить жребій свой съ жребіемъ Эмѣи — родители наши были на то согласны — и сей союзъ, которой мы хотѣли утвердить,

прерванъ. — Признайтесь по справедливости, продолжалъ онъ, обратившись къ Эмѣи, не отдалиль вы сердца чужестранцу?— Сей чужестранецъ теперь здѣсь.— Онъ меня слышитъ — онъ меня видитъ — онъ знаетъ, что вы не можете ни съ кѣмъ быть сопряжены, кромѣ Салансіянина: и между тѣмъ, будучи принятъ вашимъ родителемъ, нарушилъ онъ права страннопріимства, почувствовалъ къ вамъ любовь — и сегожъ еще утра засталъ я его у ногъ вашихъ. „

Безразсудный юноша! отвѣчаетъ Рожеръ, когда сей чужестранецъ имѣлъ любовь къ Эмѣи?— Что она сказала?— Что она сдѣлала?— Кто тебя за-

ставилъ тому вѣрить, и говоритъ другимъ, что она его любитъ? — Она тебѣ отказала, говоришь ты; а что касается до меня, я нашелъ ее готовую къ заключенію брака съ тобою, при первомъ словѣ, которое я ей о томъ сказалъ. — Я хотѣлъ испытать ея сердце; но ты не умѣлъ ее заставить тебя любить: и потому я не сдержалъ своего слова.

Слова сіи, важнымъ голосомъ произнесенныя, сдѣлали безмолвнымъ Алексѣя. — Тщетно силился онъ сказать на сіе нѣсколько словъ. — Румянецъ, на лицѣ его появившійся, и замѣшательство принудили его удалиться со стыдомъ и безъ успѣха.

Уходъ Алексѣя причинилъ радость зрителямъ. — Послѣ того опять начали пересматривать бытописанія. — Болѣе нежели отъ пятнатцати колѣнъ, всѣ предки Эмѣины отличались чистотою нравовъ. — Всѣ зрители съ нетерпѣніемъ ожидали, дабы во мзду толикихъ добродѣтелей Эмѣя увѣнчана была розою.

Щастливые Салансіяне! Дражайшіе остатки злашаго вѣка! у васъ только различія не бываютъ несправедливы, и добродѣтели преимущественны! — Тотчасъ свирѣли и волынки возвѣщаютъ вѣнчаніе Эмѣи. — Народъ подтверждаетъ то троекратнымъ восклицаніемъ.— Слу-

житель престола повелѣлъ приближиться къ себѣ Эмѣи. Онъ въ самое то время, какъ держалъ розовой вѣнокъ надъ ея главою, напоминалъ ей о законѣ, который запрещаетъ искать супруга между чужестранцами.

Василій затрепеталъ при словахъ сихъ. — Онъ видитъ, что возлагаютъ вѣнокъ на главу Эмѣи — Эмѣи, которая въ сію самую минуту была больше жертвою, нежели представляла Героиню праздника. — Между тѣмъ никогда Василій не находилъ ее столь прекрасною, никогда ее столь не любилъ, какъ когда терялъ ее съ тѣмъ, чтобъ вѣчно потерю сію оплакивать. — Вотъ слабое вспоможеніе нещастнаго! — Зрѣлище народа толико добро-

дѣтельнаго удерживаетъ его чувства. — Онъ желаетъ скрыть свое безсиліе отъ всѣхъ его окружающихъ — старанія, имъ употребляемыя, обременяютъ его — кажется, что слезы его заключаются въ его сердцѣ. — Открытые и неподвижные взоры покрываются густымъ мракомъ — тѣло его трепещетъ отъ боязни смерти — блѣдность распространяется по лицу его — ноги подгибаются — онъ упадаетъ и простирается на землѣ безъ жару и безъ движенія.

Его осматриваютъ со тщаніемъ — бѣгаютъ около его — силятся его оживить — но всѣ вспоможенія безполезны. Слабые его члены жестѣютъ — онъ упадаетъ изъ рукъ, его державшихъ,

и валится на землю — всѣ кричатъ: онъ мертвъ!

Шумъ сей раздается по всѣмъ мѣстамъ. — Духовникъ прибѣгаетъ. — Эмѣя, узнавъ то по тайному движенію сердца, спѣшитъ къ нему стремительно. — Она зритъ, (какое зрѣлище для сердца толико нѣжнаго!) она узнаетъ Василія; она бросается на него. — Уже не видно въ Эмѣи той скромности, той боязливости, какая была прежде. — Какимъ страхомъ она объята! — Отираетъ лице своего возлюбленнаго, студенымъ потомъ покрытое — кладетъ трепещущую руку на его сердце. — Онъ охладѣлъ — онъ бездушенъ — кричитъ она страшнымъ голосомъ, и бросается на него. — Ее у-

держиваютъ и хотятъ удалить.

Постойте, вопіетъ она, постойте! — Василія нѣтъ болѣе на свѣтѣ! Какое отчаяніе! — Я причиною его смерти — я хочу за нимъ слѣдовать. — Ахъ Василій! Дражайшій Василій! — Ты мнѣ больше не внемлешь! — Жестокіе! вашъ-то законъ умертвилъ его. — Возмите сей вѣнокъ, продолжаетъ она, срывая его съ своей головы. Я вамъ его отдаю. Не мнѣ должно его носить — я любила чужестранца. Такъ — я его любила, увы! — и я осмѣливаюсь въ томъ признаться. — Прости, родитель мой! любовь моя влечетъ къ сему меня — я не имѣю больше силы ее

преодолѣть, ниже скрыть. Но смерть моя, теперь приближающаяся, меня за то накажетъ....

Говоря такимъ образомъ, Эмѣя не примѣтила, какъ Василій приходилъ опять мало помалу въ чувство. — Скоро, поддерживаемъ будучи старцами, онъ начинаетъ подниматься.

Эмѣя его видитъ. — Смущеніе, удовольствіе и смятеніе раздѣляютъ ея духъ. — Она падаетъ въ руки своей матери, дрожащей и погружающейся въ слезахъ. — Народъ весьма удивлялся сему приключенію, и ожидалъ въ молчаніи того, чѣмъ оно рѣшится.

Рожеръ первой хочетъ лишить дочь свою вѣнка съ тѣмъ,

чтобъ она никогда его не требовала.

Между тѣмъ острый трубный звукъ разсѣкаетъ воздухъ — колесница спѣшитъ съ великимъ стремленіемъ — за нею слѣдуютъ Кавалѣры — она останавливается въ срединѣ зрителей — въ ней сидитъ Госпожа сосѣдней деревни, сопровождаема будучи однимъ наперстникомъ Короля.— Сей Государь, выслушавъ повѣствованіе о такомъ торжествѣ, избралъ между подданными своими достойнѣйшаго тамъ присутствовать.— Сей приказываетъ расказать о происходившемъ тогда и о установленіяхъ Салансійскихъ, которыя противятся щастію двухъ лю-

бовниковъ. — Будучи тронутъ ихъ мученіями и невинностію любви, говоритъ онъ слѣдующее:

„ Салансіяне! нѣтъ въ томъ „ добродѣтели, чтобы жить „ безъ страстей. Она состоитъ „ въ томъ, чтобъ неумѣрен- „ ность ихъ побѣждать. — Сіе „ самое сдѣлала Эмѣя. — Почему „ я думаю, что она всегда до- „ стойна розоваго вѣнка. Но я „ еще почитаю, что она достой- „ на и своего любовника. — Еже- „ ли онъ не изъ Салланси, то „ заслуживаетъ, чтобъ его „ туда включить. — Добродѣ- „ тельный человѣкъ долженъ ли „ почитаться между вами чу- „ жестранцомъ? „

По окончаніи сихъ словъ, подходитъ онъ къ Эмѣи, даетъ ей

кольцо отъ имени Монарха. — Потомъ развертываетъ голубую ленту, ту самую, которую Людовикъ XIII. носилъ. — Онъ привязываетъ ее къ поясу сей младой Салансiянки. — Потомъ объявляетъ повеленiе, которое получилъ онъ отъ своего Государя, говоря: „ пойди, сказалъ онъ мнѣ, поднеси сiи дары той, которая удостоится „ розоваго вѣнка. „ — Они были долгое время цѣною природы; а нынѣ сдѣлались вознагражденiмъ добродѣтели.

Сiе дѣйствiе, учиненное именемъ Короля чрезъ одного изъ первыхъ его подданныхъ, рѣшило собранiе и сомнѣнiе стариковъ.

Они не хотѣли быть ни неблагодарны ни жестоки: они устроили щастіе двухъ любовниковъ, столь заслуживающихъ наслаждаться онымъ.

КОНЕЦЪ.

